

Егорова В.П. О состоянии кровомщения в Дагестане во II половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1976. Вып. 7.

Исламмагомедов А.И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование (XVIII — нач. XX в.). Махачкала, 2002.

Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1.

Лугуев С.А. О кровной мести у лакцев во второй половине XIX — нач. XX в. // Семейный быт народов Дагестана в XIX — XX вв. Махачкала, 1980.

Оразаев Г.М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII–XIX вв.: (Исследование, тексты и комментарии). Махачкала, 2007.

Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ, 1867. № 12.

Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX — начала XX в. (роль и место в семейной и общественной жизни). Махачкала, 2001.

Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского // Законы вольных обществ Дагестана XVII–XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл., примеч. Х.-М. Хашаев; отв. ред. Г.-А. Даниялов. Махачкала, 2007.

Р.Ш. Зельницкая (Шларба)

ПОПЫТКА СЛОМА ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ В ПЕРИОД УСТАНОВЛЕНИЯ КОЛХОЗНОГО СТРОЯ В СОВЕТСКОЙ АБХАЗИИ

В период установления советской власти по всей территории бывшей Российской империи осуществлялись попытки насаждения новой системы ценностей. Этот процесс вступал в противоречие с уже существовавшими («традиционными») ценностными установками.

Как известно, в 1929 г. в Советском Союзе была принята установка на сплошную коллективизацию, которая не всегда носила добровольный характер. Основопологающей задачей сталинских

преобразований, кроме массовой коллективизации советской деревни, являлась и «ликвидация кулачества как класса» (подробнее см.: [Климин 2007: 140–142]).

Уже в 1930-е годы сплошная коллективизация, охватившая всю страну, докатилась и до советской Абхазии. А первые коллективные хозяйства в виде артелей стали появляться еще 20-х годах XX в.¹ Процесс социалистического кооперирования крестьянских хозяйств в предгорных деревнях встречал серьезные препятствия. Дело в том, что в первые годы советской власти в абхазских селах, по сохранившейся традиции, большое место все еще занимали сельские сходы, обладавшие для крестьян несомненной ценностной нагрузкой. В крупных селах начали создавать новые административно-политические центры — сельские советы, которые подготавливали почву для проведения самой коллективизации [Куправа 1977: 17–18]. Однако сельские советы работали слабо и боялись проявлять самостоятельность в принятии важнейших решений в жизни села², в то время как на сельских сходах обсуждались все важнейшие вопросы деревенской жизни.

Сельские сходы оказывали значительное влияние на хозяйственную и политическую жизнь села и даже противопоставляли себя совету. Это было вызвано тем, что на сходах решающую роль играли именно влиятельные крестьяне-старейшины из зажиточных или середняков, которых впоследствии объявят кулаками. Старейшины, пользуясь в деревне особым уважением как люди с богатым жизненным опытом и авторитетом, воздейство-

¹ Судя по перечню сел, в которых были основаны первые колхозы, приведенному в работе А.Э. Куправа «Абхазская деревня на пути социализма», можно сделать вывод, что самые ранние колхозы были созданы в селах с преимущественно неабхазским населением, что наверняка было обусловлено его более низким имущественным и социальным положением [Куправа 1977: 221].

² Важнейшей причиной их малой активности было то, что изначально туда входили представители беднейших слоев, т.е. люди низкого статуса, не обладавшие авторитетом. Например, в селе Джгерда самый первый сельсовет был создан представителями трех беднейших семей. Мой информант Ванюша Гирджин назвал только две из трех семей: Лагвилава и Гирджин. Сам он весьма гордится тем, что его отец входил в этот сельсовет [ПМА 2008]. Кроме того, одному сельсовету подчинялось несколько деревень. Например, в Джгердский сельсовет входили села Гуада, Агара Армянская.

вали на решения сельских сходов [Куправа 2008: 74–75]. Поняв реальную силу сходов, новая власть попыталась сделать ставку на них. Представители власти старались вовлечь влиятельных старейшин в коллективизацию, рассчитывая на благосклонность масс к авторитетным людям.

По сообщению информантов, местное население неохотно вступало в колхозы, и поэтому был создан ряд льгот, которые должны были стать важным стимулом для привлечения в колхозы. Например, для первых колхозников действовали так называемые «скидки». Они платили налог меньше, чем остальные селяне, или вообще не платили. У семьи того, кто вступал в колхоз, не отбирали скот, иногда преподносили подарки (патефоны, мыло, соль и т.п.)¹.

Партийные работники и комсомольцы, увидев аналогию между местной традицией трудовой взаимопомощи и коллективными хозяйствами, попытались истолковать колхоз через существовавшие на тот момент обычаи. Значительное распространение имел у абхазов такой обычай, как трудовая взаимопомощь (кьараз, ауаахэа)². Пропагандисты сравнивали деятельность колхоза с «киараз». Эти древние традиции трудовой кооперации принесут немало пользы в будущем. «Ведь колхоз — это вроде нашего кьараза, высшая его форма, только и всего», — разъясняли пропагандисты. Партийные работники пытались применить те обычаи, которые на их взгляд хоть как-то можно было использовать на пользу власти. Одновременно они выступали за отмену некоторых обычаев, утверждая, что новая власть пришла и принесла новую жизнь, а все, что было, — ушло со старым временем.

¹ Данное сообщение в целом соответствует информации, изложенной в работе А.Э. Куправы «Абхазская деревня на пути социализма»: «В условиях советской власти беднота была почти полностью освобождена от налогов, середняки умеренно, а основная тяжесть налога ложилась на кулака» [Куправа 1977: 81].

² Различие этих двух форм взаимопомощи заключается в том, что кьараз — это постоянное объединение людей, которое в случае опасности могло выступать как ополчение, в то время как ауаахэа — это форма разовой взаимопомощи. Важной отличительной чертой ауаахэа было то, что человек, просивший помощи соседей, был обязан их после этого накормить. Это правило неукоснительно соблюдалось даже представителями местной знати.

Одной из важнейших задач новой власти было постепенное искоренение частнособственнических отношений, а также и устоявшейся иерархии социальных отношений. Постепенно малоимущие крестьяне увидели определенное преимущество колхозов. Отсутствие в собственном хозяйстве орудий труда, собственно выючного скота подталкивало людей к вступлению в колхозы. Вступая в колхоз, крестьянин должен был внести своеобразный взнос. Мой информант Илья Ашуба вспоминает: «Для того чтобы вступить в колхоз, нужно было внести одного вола. На момент вступления в колхоз у нас в доме не было вола, и мы купили его в Члоу, соседней деревне, и внесли взнос. Таким образом, мы получили право вступления в колхоз» [ПМА 2010].

Кроме того, у колхозников отбирали орудия труда. Крестьян, особенно зажиточных, подобный порядок не устраивал, и поэтому они игнорировали существование колхоза как организации. Некоторые информанты, потомки «названных кулаков», вспоминают: «Наши до начала 40-х годов не вступали в колхоз. А зачем? Они и так хорошо себя чувствовали в деревне. У них были свои поля, водяные мельницы, кузни. Созданные колхозы нужны были беднякам, бывшим батракам, которые теперь стали “уважаемыми” людьми» [ПМА 2010].

Из отобранного у крестьян скота в селах создавались фермы, но у колхозной фермы не было помещения для содержания скотины, и ее держали практически в открытом поле, в загоне, что приводило к массовому падежу скота. Бывшие хозяева с болью смотрели на происходящее, но ничего не могли предпринять. Советами было сделано все для того, чтобы крестьянин потерял чувство собственности. Жители Джгерды до сих пор вспоминают времена, когда их бывшая собственность пропадала. Крестьяне обращались к властям с просьбой вернуть скотину бывшим владельцам хотя бы на время, хотя бы пока весна не наступит. В конце концов, коммунисты нашли выход из сложившейся ситуации: до завершения строительства фермы скотину держали у себя дома крестьяне, но с условием, что они ее вернут, так как это уже собственность колхоза [ПМА 2009].

Еще одна сторона ценностной системы традиционного абхазского общества, подвергшаяся трансформирующему воздей-

ствию, — это семья. Для традиционной системы внутрисемейных отношений наиболее важным и ценным была взаимная поддержка родственников, связанная с задачами выживания группы. Для новой власти во главе угла стояли задачи организации коллективного труда, игнорировавшие фактические границы между крупными семьями и вступавшие, таким образом, в конфликт с практикой внутрисемейной взаимопомощи. По сути дела, задачи организации коллективного хозяйства превращали всех жителей села в большую группу тружеников, в которой стирались существовавшие до этого значимые статусно-возрастные различия. Подобная ситуация оказывалась источником постоянных конфликтов, происходивших между отдельными семьями и руководством колхоза. Для иллюстрации ситуации можно привести конкретные примеры моих информантов.

Вот один такой пример. В момент обострения болезни дочери, весенним днем, семья не вышла на работу. Председатель колхоза и бригадир, заметившие отсутствие данной семьи на чайной плантации, пришли в эту семью, чтобы выяснить причину прогула. Мать девушки, не испугавшись представителей власти, прогнала их со словами: «Такие, как ты, в прошлые времена были батраками моего отца, а сейчас ты смеешь мне указывать, как и когда выходить в колхоз на работу».

Бывали случаи, когда перед всеми присутствующими оскорбляли нарушителей. По рассказам информантов, одну жительницу Джгерды, Химцу Лацушба, которая не вышла на работу по причине болезни ребенка, на собрании оскорбили. Бригадир Митра Твизба, руководствуясь тем, что ему партия дала власть, попытался объяснить Химце, в чем она не права и что она обязательно должна работать каждый день в колхозе. Не выдержав оскорблений, Химца сказала при всем собрании: «Твоя партия у меня в котле, и плевать я хотела на тебя и на твой колхоз». За эти дерзкие слова Химца была осуждена.

Но бывали случаи, когда женщины-матери, чтобы не пропустить рабочий день в колхозе, брали больных детей с собой в поле. Такие случаи наглядно иллюстрируют игнорирование руководством колхоза традиционного понимания роли матери как лица, в первую очередь оберегающего своих детей.

Приведенный материал позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, представители советской власти при создании колхозов были вынуждены не только кардинально менять существовавшую систему социальных отношений, но и в некоторой степени приспосабливать идею создания колхозов к господствовавшим формам местной социальной солидарности. Во-вторых, несмотря на все попытки советской власти искоренить внутреннюю устоявшуюся иерархию социальных отношений, она фактически продолжала существовать, проявляясь на уровне персональных конфликтов отдельных жителей сел с руководством колхоза и сельсовета.

Библиография

Климин И.И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927 гг.). СПб., 2007. Ч. I.

Климин И.И. Российское крестьянство в период сплошной коллективизации сельского хозяйства (1930–1932 гг.). СПб., 2011.

Куправа А.Э. Абхазская деревня на пути социализма, Сухуми, 1977.

Куправа А.Э. Вопросы традиционной культуры абхазов. Сухум, 2008.

М.Д. Каракетов

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ОБЩЕСТВ КАРАЧАЯ И БАЛКАРИИ

В настоящем сообщении будут затронуты страты, часть которых была исследована рядом авторов [Азаматов 1968; Битова 1997; Каракетов 2005: 145–171; 2009: 142–154; Лавров 1969: 55–120; Невская 2002: 130–484; Студенецкая 1937: 45–72; Тамбиев 1931: 84–99; 1932: 85–103; Хатуев 1999: 5–198]. Между тем некоторые из них так и остались неизученными.

Карачаево-балкарское общество в прошлом делилось на три основных сословия — княжеское (*бий / таубий*), дворянское (*эзден*) и крестьянское (*кьул*). Каждое из сословий подразделялось на степени, разряды и виды в зависимости от знатности и отбываемых повинностей. В докладе будут приведены известные и ранее не выявленные архивные материалы.